

Чего стоит постоянное употребление слова «пространство» в контекстах, связанных с архитектурой, урбанизмом или даже «новой урбанистикой»? Стоит ли за этим что-то реальное и действенное, с чем можно работать или хотя бы адекватно понимать и надежно применять в профессиональных и общекультурных коммуникациях? Откуда пошла привычка к этому слову и что она собою заменила? Корни этих вопросов – в новоевропейском рациональном мышлении, но плоды пожинаем мы сегодня. В статье, структура которой имитирует «Критики» И. Канта, предпринята попытка критического осмысления указанных вопросов.

Ключевые слова: пространство в архитектуре; воображение пространства; профессиональная терминология; критика; городская среда./

What is it worth to constantly use the word 'space' in contexts related to architecture, urbanism or even 'new urbanism'? Is there anything real and effective behind it so that we can work with or at least adequately understand and reliably use it in professional and common cultural communications? Where did the habit of using this word come from and what has it replaced? The roots of these questions are in new European rational thinking, but today we are reaping the fruits. In the article, the structure of which imitates I. Kant's Critiques, the author makes an attempt to critically comprehend these questions.

Keywords: space in architecture; imagining space; professional terminology; criticism; urban environment.

К критике пространства в архитектурном дискурсе / To a critique of space in architectural discourse

текст

Петр Капустин
Воронежский
государственный
технический университет

text

Petr Kapustin
Voronezh State Technical
University

Критика чистого пространства

Пространство суть изобретение Просвещения, когда протяженность стала восприниматься как достоинство, как особенное качество материи, как модная «фишка» всяческих онтологических построений. Построения эти, разумеется, подвержены проблематизации и критике, но «пространство» счастливо ускользает от периодических атак на него (прихватывая с собой и «время»). Априорные категории быстро «забыли» о своем искусственном, интеллигибельном происхождении (т. е. были реифицированы), заставляя мысль и воображение подчиняться им как онтологическим константам (с эволюционирующими интерпретациями, разумеется). А после того, как концепт пространства (как и времени) поддержал и обновил А. Эйнштейн (а он был известный иронист), говорить «против пространства» стало едва ли вообще возможно, вроде как плевать против ветра.

Просвещенческое пространство возникло ради решения сугубо логических, если не сказать математических вопросов, всплывающих в ходе саморазвертывания парадигмы естественной науки Нового времени. Тренд этот не прекратился и сегодня; ради него строят Большие Адронные Коллайдеры, выдвигают новые космогонические или микромирные концепции. Саморазвертывание естественнонаучной пространственной репрезентации успешно продолжается.

Запрос на «пространство» появляется в интеллектуальных, по большей степени рассудочных сферах, в которых требовалось охватить разное единством представления – стандартная ситуация в эволюции мышления (так возникли «эйдос», «идея», «форма», пещера Платона и его же мифы-путешествия, топика аристотелева медника et cetera). Он до сих там и появляется, при тех же условиях, когда надо что-то куда-то вместить. Таково, например, «пространственное развитие». Разумеется, это запрос властных, государственных институций, запрос на средство удержания контроля и подчинения больших земель, угодий и прочих пустошей. Последнее принципиально, ибо пустота – синоним пространства: оно и само пусто, и опустошает все, попадающее в его владение. Все, схватываемое категорией пространства, теряет лицо и самобытность, но наделяется презентабельным ликом

(официальной маской) и номером (или, по Е. Замятину, «номером» – рассудочным именем по разнарядке, как т. н. «регионы» в сегодняшней административной практике, «автоматически» отождествляемые с областями и краями; см. об этом [1]). Работать с содержательным, живым и индивидуальным пространством неспособно.

Разумеется, пространство – излюбленная категория всех империй. Так было уже с империей Александра Македонского, с военно-лагерной прямоотой насаждавшего аристотелеву мудрость о наложении формы на материал: еще до категориально-понятийной проработки собственно «пространства», его унифицирующая сила уже была проявлена в полной мере. Так происходило и во всех последующих империях, не желавших (а попросту не умевших) совладать с доставшимся им разнообразием всякого; его, это разнообразие, а не только возросшие количества известного, использовать как ресурс. Как ресурс действительного развития, а не количественного разрастания вширь и прочего роста формальных показателей. Это, собственно, и сгубило все известные империи. Пространство небезобидно: подобно мифической сущности, оно требует за свои услуги довольно весомых жертв.

Где доминирует идея количества, там основной процедурой становится измерение. Измерение же соприродно пространству, ничего, кроме мерности, за душой не имеющему. Нет никакого сомнения, что в грядущих завоеваниях космоса категория пространства (The Space) останется ведущей – кто же способен примыслить там Среду!

Пространство (это подметил уже Г. Башляр [2]) имеет природу хозяйственного или, скорее, чиновничьего, бюрократического ящичка, без которого, без системы которых процессы контроля за присвоением и отчуждением (а это базовые бюрократические процессы) невозможны (см. также [3]). Оно имеет такую природу, но не структуру: структуру ящичков в этом тотальном бюро задает сам бюрократ. И в этом состоит фундаментальное свойство, оно же и удобство пространства. Благодаря своей инертности и бессодержательности его можно структурировать как угодно. Не оттого ли архитекторам, еще не изжившим комплексы модернистского насилия над миром, так нравится рассуждать об «организации пространства»?

^ Рис. 1. Пространство – излюбленный герой архитектурно-градостроительных репрезентаций

Рассуждения о пространстве «вообще» обидно быстро заканчиваются: после общих слов говорить не о чем. Гораздо проще и интереснее рассуждать о разного рода пространственных аномалиях и маргиналиях, о гетеротопиях [4]. К тому же классу «читерской легкости» стоит отнести и случившиеся чуть раньше (но не оставившие наш бедный архитектурский мир и донныне) глубоко-мысленные рассуждения об объемно-пространственных композициях, счастливо разместившихся между модными для своего времени физикалистскими грезами и натуральными образами уже вполне освоенной к тому времени архитектурно-пластической чувственности [5]. Так, например, Н. Ладовский выстраивает свою «теорию архитектуры», вращая объемы, родом из кватроченто, в пустоте «математического» абстрактного Ничто [6]. Так, утверждал Ладовский, рождается архитектурная мысль (она же форма; она же модель; она же знак *et cetera* – различия всегда мало интересовали архитекторов, особенно мыслящих прогрессивно). Тем самым мы переходим ко второй части нашего критического анализа – к вопросу о том, какое «пространство», как и насколько оказалось созвучно архитектурной практике, буде это всего лишь и практика изящного словопроизношения («Пространство, а не камень, – материал архитектуры!» *et cetera*).

Критика практического пространства

Стоит признать: «наше» пространство, пространство архитекторов и иже с ними, появилось лишь отчасти благодаря всему вышеописанному. Гораздо важнее оказался встроенный в архитектурное самосознание объектный натурализм, не очень чуткий к строгости понятий, но обладающий «чувственным схватыванием», если не сказать способностью к присвоению всего потенциально полезного. Не имея здесь возможность обсуждать последний сколь-либо подробно, заметим, что его проявление оказалось едва ли не спасительным в период формирования новой архитектурно-проектировочной идеологии, но тем самым и роковым для состоятельности новой проектной креативности в архитектуре как чего-то действительно нового и самобытного [7].

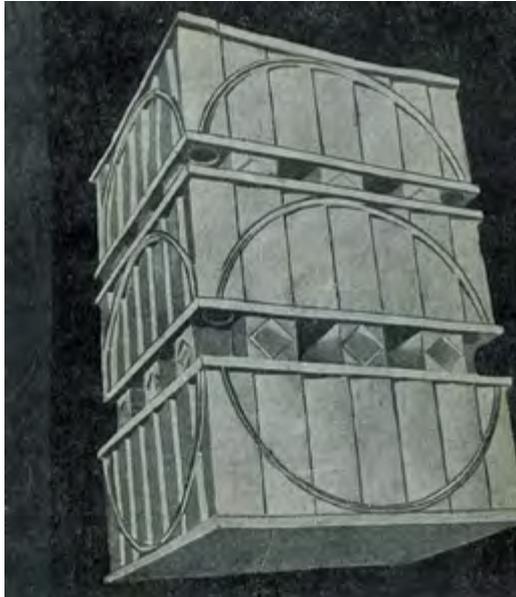
^ Рис. 2. И. Кант заложил основы классического представления о пространстве, превосходящего ньютоновское натуралистическое и физикалистское представление. Пространство Кантом рассматривалось как необходимое условие существования любых тел и форм, что оказалось привлекательным для архитектурного воображения

Упомянутые выше «эволюционирующие интерпретации» представлений о пространстве в философии и физике со времен «классического» пространства И. Ньютона¹ до наших дней довольно далеко продвинули соответствующие виды знания, но совершенно не продвинули архитектуру и урбанизм, если, разумеется, не воспринимать всерьез стилизации и имитации по поводу «нелинейных пространств», «архитектуры киберпространства» и прочей «архитектуры иных физик», заполонивших страницы архитектурных журналов 1990–2000-х годов. В архитектуре и «градостроительстве» (если уж использовать этот термин) реализации остаются и до наших времен возможны лишь в рамках натуралистической «классической» модели, остальное – болезненная реакция на очевидную дефициентность этой модели, на ее несомненную одиозность. Вероятно, этот тезис может показаться чрезмерно «сильным», но мы готовы его отстаивать (см., в частности, [10]).

Термин «пространство» и производные от него применяются практикующими архитекторами легко и непринужденно, за ними обычно не видят проблем. А если и видят, то исключительно т. н. проблемы репрезентации, прежде всего – решение вопросов об оптимальном способе изображения пространства (да и это, пожалуй, вопросы скорее для теоретиков, вроде Бруно Дзеви [11], нежели для «серьезных практиков»). Однако с практикованием пространств проблем гораздо больше, чем с его чистым концептом; последний, по крайней мере, имеет богатую историю обсуждений, хотя и мало кому известную, а практика протекает всякий раз «здесь и теперь», у всех на виду, и алиби на полках библиотек не имеет.

Всякая категория, претендующая на место в профессиональном вокабулярии, должна вроде бы обеспечивать какую-то эффективность, а тем самым, предполагать правила применения в профессиональной области, обладать чертами, отличающими ее от всех других. Действенность понятий и категорий делает их инструментами практического сознания. Пространство же, представляется нам, даже и не собирается отвечать этим критериям; оно – самая большая фикция современного архитектурного сознания. Но и самая излюбленная в речах и манифестах – в силу полной свободы применения практически

1. Или, по версии Т. Ф. Саваренской, «картезианского» пространства [8], с чем нам согласиться трудно, ибо пространство Р. Декарта совсем иное: оно не пустое, как у Ньютона, но наполнено вихрями эфира, оно воистину «живое». К сожалению, эта идея не получила развития в истории науки и мышления благодаря козням Вольтера [9].

^ Рис. 3. Студенческая работа из пропедевтического курса Н. А. Ладовского во ВХУТЕМАСе

^ Рис. 4. Санкт-Петербург, Дворцовая площадь

к любым ситуациям и в любых масштабах – от кулуарных разговоров до общественно значимых программ. Проблема пространства в архитектуре, в отличие от пространства в физике или пространства у Канта, состоит, кажется, именно в открывающихся возможностях игры воображения и дискурса без какой-либо ответственности и верификации.

Есть неустранимое онтологическое различие категории пространства и проблемы **места**, а ведь именно с последним связана этика архитектуры и вся система социальной, культурной и прочей ответственности профессии. Один из ранних ключей к этому (и, вместе с тем, неуслышанное предупреждение) можно найти у Джорджа Беркли: «И хотя современные философы учат, что пространство реально и бесконечно протяженно, все же, если мы примем во внимание, что оно не является интеллектуальным понятием и не может быть, кроме того, воспринято ни одним из наших чувств, то мы, как и Платон в его “Тимее”, возможно, склонны будем полагать, что это тоже результат λογισμὸς νήπιος или ложного рассуждения, и своего рода сон наяву. Платон замечает, что, когда мы думаем о месте (place), мы как бы спим и полагаем необходимым, чтобы все существующее находилось в определенном месте. Он замечает также, что это место или пространство (§ 250, 270) есть [то, что осязается отсутствием ощущений], то есть должно ощущаться так же, как видится темнота или слышится тишина, так как оно является лишь отсутствием» [12, с. 464]. Метафора «дырки от бублика» в отношении пространства, таким образом, совсем не нова. Правда, в архитектуре есть традиция работами с такими «дырками»: интерколумний как предмет специальной прорисовки, или интервалы между балюстрадами et cetera. Но то локальные «места», они не стягивают на себя всю метафорику и образность, как стремится это делать выплеснувшая из тел и форм воля к пространственному воображению.

Однако места в архитектуре чувственно освоены, и их созидание средствиально обеспечено всем опытом архитектуры, в то время как попытка мыслить о месте в категории пространства ведет к опустошению мест, к «безместности», а обратная попытка – к опасному делегированию духовных качеств пустоте (она их не воз-

вращает). Архитекторы же, которые, после инфицирования нововременным «пространством», только и занимаются тем, что мыслят о пространстве и месте (не зная, что они – не интеллектуальные понятия), пытаются их равно ощущать даже тогда, когда их нет еще и для чувств (которые их все равно воспринимать не могут), пытаются существовать в двойном отсутствии, стремятся сделать его своею действительностью, то есть спят беспробудно и непрерывно.

Последнее вовсе не обидно, поскольку сон и сновидение – исконные архитектурные темы, слишком сильно и давно интегрированные в архитектурное самосознание, чтобы их игнорировать или счесть чем-то несущественным. Однако не пора ли и метод пересмотреть: сон архитектуре гораздо ближе выморочного «пространства»! Ложная рациональность последнего превращает сны в кошмары, о чем свидетельствовал Джо Понти: «Фантазия – это приятное сумасшествие, это галлюцинация. Она прозрачна и точна как сон. Было бы ошибкой говорить о человеке, который неточен и рассеян, что он мечтатель. Настоящие мечтатели мечтают очень точно. Когда сны жестоки, мы просыпаемся с криком» [13, с. 437].

Но такова же точно, заметим, и вся вообще проблематика топоса в архитектурном и – теперь уже – проектном мышлении: она вся основана на свертке воображаемого существования в некоторые подобия чувственных единиц, паттернов, на упаковке их в функциональные и иные типологии, якобы удобные для профессионального функционирования. Там все до сих пор, увы, шито «белыми нитками» или держится на «добром слове» (и это слово – «пространство»); все держится на воображении, ставшем привычкой, и на сне, не ставшем явью, но дящем свой морок на залитых солнцем местах и формах, подобно прозрачному, призрачному клею, удерживающему разноприродные образы, категории и понятия в некоторой иллюзии единства – правда, удивительно устойчивой. Однако проблематика сна и онейрического в архитектуре – тема особая и чрезвычайно важная, она хоть и связана тесно с пространством и, особенно, средой, но намного превышает их, поскольку, кажется, связана

< Рис. 5. Пространство и среда Санкт-Петербурга

вообще со всем, что есть в архитектуре, как и с тем, чего в ней (уже или пока еще) нет...

В другом месте Беркли замечает, что уже пифагорейцы и платоники «имели понятие об истинном устройстве мира», «они понимали, что такой вещи, как реальное абсолютное пространство, вообще не существует; <...> они знали, что существует тонкий эфир, насыщающий всю массу материальных тел, и что его самого в действительности приводит в движение и направляет дух, и что физические причины есть только орудия или, скорее, знаки и сигналы» [12, с. 447–448]. Когда же мир стал располагаться в протяженном пространстве, он утратил эту насыщенность и густоту, дух покинул его, будучи выведенным «за скобки», а знаки и сигналы заполнили всю мыслимую и воображаемую вселенную, по иронии все еще именуемую эфиром.

Заметим здесь, кстати, что пресловутый эксперимент Майкельсона – Морли (1887), якобы доказавший отсутствие эфира, явился едва ли самым разрушительным и точно последним ударом по архитектурному ощущению пространства, которое все еще сохранялось до конца XIX столетия. После него стал возможен модернизм с его культами Глаза и Света. Стал возможен Баухауз, поставивший на поток публичное покаяние художников-мистиков, спешно строчащих методички, хоть как-то рационализирующие их несводимый опыт. И сновидение архитектора в очередной раз приобрело по необходимости новые функции – ведь надо же как-то отправлять профессиональные нужды в условиях полной выморочности знаний и методик! Надо же дотянуть до нынешней реабилитации эфира и возникновения идеи среды.

Критика способности пространственного воображения

Согласно Иммануилу Канту, третья часть Критики должна быть обращена к соединительной силе – к способности иметь дело с чистыми абстракциями или с их обыденно-прагматическими призраками. По мысли Канта, это способность суждения, в нашем случае – способность пространственного воображения как такового. Критика способности суждения состоит у Канта из эстетической и телеологической частей – «критика» здесь

окончательно становится утверждением, если не проектом, обосновывающим принцип эстетического «удовольствия» в познании мира и принцип целесообразной его организации [14]. По мнению критиков кантовских «Критик», связать кенигсбергскому автору ничего не удалось, проект оказался фрагментарным и противоречивым. Не удастся связать первые две части при помощи третьей и нам, но уточнить некоторые позиции возможно.

Эстетическое и его пределы. Закраины «эстетического» употребления категории пространства в архитектуре (и около нее) можно почувствовать в следующей фразе Анри Лефевра: «Возникает опасность того, что социальное пространство будет определяться через пространство планировщика, политика, администратора, архитектурное (социальное, построенное) пространство – через (ментальное) пространство архитектора» [15, с. 291]. Здесь же Лефевр ссылается на попытку Ф. Будона предпринять такой шаг. Увы, на наш взгляд, такой шаг уже давно сделан, хотя и не получил до сих пор, к счастью, легитимной формы общественного признания и совсем уж широкого употребления. Речь идет о терминах «архитектурная среда» (или даже «градостроительная среда!»), а также их аналогах и производных, столь популярных в околоархитектурных сферах. Так именуются – и все чаще – буквально любые места и явления в городах, а то и в поселках и ландшафтах. Социальное «производство пространства» – динамическая, деятельностная, исторически детерминированная реальность в общественном же сознании подменяется его профессиональной фабрикацией. Это неизбежно ведет к отчуждению и последующей деградации среды. А ведь, казалось бы, начинается все безобидно – с терминов, со слов.

С чем мы сталкиваемся в подобных случаях? В самом деле, не пространство же математиков, геометров или физиков склонять на все лады при упоминании неких организованных архитектурю «воздухов» или просторов (а равно теснин и закоулков)?! Сами архитекторы плоховато усвоили такие специфические пространства наука, по крайней мере наше «ментальное» пространство, наше воображение пространства явно не очень зависит от них. Зато у архитекторов есть воля и воображение, есть живой опыт генерации впечатляющих образов и есть

такие красивые и загадочные слова! «Пространство» – первое среди них. Невнятность представления прикрывает мнимая категориальная весомость, выгодная (и даже вполне годная) для «внутреннего потребления», – ее нам удалось выдать за фундаментальное начало, и она пошла гулять «в народ». Слова, в самом деле, красивые, их использование приносит если не удовольствие, то ощущение посвященности в некие тайны, чувств причастности к «законам прекрасного». А все вопросы об инструментальности терминов следует обращать к архитекторам: это они все устроили... Но есть ли у нас ответы? Неосторожно выпущенные призраки возвращаются в наше «ментальное пространство».

Увы, упомянутый выше шаг не только сделан. Такие шаги воспроизводятся с нарастающим темпом едва ли не в каждой научной (и уже не только архитектурно-градостроительной) диссертации и статье, посвященной столь сладким и обманчиво доступным деликатесам архитектурного дискурса – пространствам и средам. И это сладкое, судя по всему, все еще не приедается. Последнее неудивительно, поскольку способность воображения пространств до сих пор в большом дефиците; все, заявленное в этой области, остается в обращении надолго. Общественный дискурс давно уже страдает пространственно-средовым «диабетом».

Термины «пространство» и «среда» нередко используют как взаимозаменяемые, но это представляется неверным и опасным. Они, скорее, взаимно «слепые»: не замечают друг друга, обходятся друг без друга и вообще... «не дружат» (правда, стоит признать, что иногда их борьба приводит к вящей пользе для обеих сторон, как это уже веками происходит в Риме или Санкт-Петербурге). Памятуя о «проектной» интенции И. Канта, мы тоже предложим здесь видение перспектив прорыва за границы категории пространства. Эта перспектива не очень нова (как не было ново и кантово «удовольствие»), но до сих пор актуальна и, более того, потенциальна. Это идея среды.

О «пустоте» пространства немало сказано с Нового времени; среда же, напротив, не пуста, она наполнена *par excellence*. Чем полна среда? Формами и значениями. Они не размещены в ней, но составляют ее, то есть входят в ее онтологию, в состав. Состав здесь синонимичен раствору: чему-то плотному, густому, где уже неразличимы привходящие компоненты, где закончилась их автономия. А потому нет нужды и в соподчинении – все, что там есть, уже нашло для себя способ существования; ничего сверх того для обеспечения своей жизни среда не требует. Раствор (*solution*) и есть решение.

Формы и значения в среде – не алфавитные пары и не идеальные объекты семиолога. Это именно феномены неразрывности. При всей морфологической явленности и конкретности они нематериальны по своей подлинной природе, а следовательно, и непрекнновенны для мысли и воображения: создавая границы и препятствия телам, они служат проводниками духа, «порталами».

Жизнь требует места, но этим местом не может стать пространство абстрактной геометрии, а могут лишь гнездовья среды. Пространство непрерывно и изоморфно; среда же дискретна и чувствительна к направлениям. Пространство распространяется по законам перспективы от вас; среда же окутывает, обволакивает вас («окутывающая среда»). Среда может и погубить («заесть», как говаривали во времена Достоевского), засосать в воронки своих вихревых потоков, отбросить на периферию или оглушить многоголосием, не вещающим в слабое персональное сознание. Но она не иссушит выморочностью, не позволит сойти с ума от безместности (*placelessness*, по Эдварду Рельфу) – парадоксального

чувства, нередко возникающего в ансамблях, где место есть лишь явлениям предустановленной гармонии. В среде можно раствориться (!), можно утратить вкус к новому и кураж перманентной артификации (чего постоянно опасались модернисты; см. [16, с. 32–33]). Но и в пустоте можно потеряться.

Телеология пространств и аксиология сред

Пространство и среда различаются примерно так же, как различаются цель и ценность, как движение с четкой дестинацией отличается от движения «по интересу» – праздного, но осмысленного дрейфа. Фундаментальным различием среды и пространства можно считать ценностную окрашенность первой и аксиологическую нейтральность второго. Рассуждения Канта о целесообразности без цели», т. е. о целевой сообразности всякого события, намерения, формы, – суть рассуждения о природе и взаимодействии с ней, но природа не пуста, с целями в ней играет Создатель. Рациональный же концепт пространства отнюдь не природен, он выстраивается по волевым осям; цели в нем должны быть заданы загодя и жестко.

В пространстве (*space*) человек вынужден быть самодостаточен, все свое носить с собой, даже если это дюжина открыток с портретом Ле Корбюзье (напомним утверждение французского архитектора о том, что он способен выразить себя даже размещением нескольких открыток в пустой комнате). От того, как я их размещу, зависит не только мое самовыражение, но порой и само выживание. Способ размещения открыток в пустой комнате – персональный стиль («стиль – это человек»), способ бытования в нечеловеческих условиях, вид предметно-пространственной трансгрессии. Это предельный (или запредельный) опыт человеческого, когда мы скребем по самому дну человеческого в окружающем нас мире, когда вопрошаем богов: как жить? Одиночная камера для многих – ад на земле, ибо она и есть абсолютный антипод среды. Почему к подобному экстриму так настойчиво стремились модернисты? Они видели себя астронавтами на опустыненном космическом корабле «Земля»? Сие одна из жутких тайн XX в., один из протуберанцев духа; видимо, она из разряда таких вопросов: как случилось модернистское «снятие Культуры» или «убийство Бога», или как стал возможен Освенцим.

Пространство, таким образом, – идеальный и вечный проект обиталища рационалистического духа, склонного к аскетизму и гигиеническим культам. Среда же – проект или греза души после модернизма, которая ищет себе место вне стеклбетонных помещений рационализма (она не помещается в них), и не на расчерченной плоскости иерархического мира (она хотела бы иметь множество противоречивых черт). Пространству, этому проекту Нового времени, было выгодно форсировать свою новизну, современность и беспрецедентность. Среда намекает на возрождение давно забытого, на его всегданнюю подспудную жизнь, на относительность любых новаций. Движение в пространстве всегда кажется несомненно возможным и даже естественным, но это лишь смена координат; здесь движение – предметная абстракция механики, безразличная к тому, кто или что движется, откуда, куда и зачем. В среде же мы, как кажется на первый взгляд, не столько движемся, сколько вязнем, постоянно соприкасаясь с вещами и содержаниями, пребывая в перманентном трении; однако же здесь только и возможно подлинное движение – развитие. В среде наши перемещения не только сопровождаются сменой созерцаний и актов соотношения, осуществляемых рефлексией, но едва ли не производятся самой рефлексией, равно как и ее отрицанием. Навигация в пространстве осуществляется по двум-трем координатам. В среде же их число неизмеримо возрастает, теряя всякий операциональный смысл², но становятся возможны многие, перекрывающие

2. Ср.: М. Маклюэн почти в таких же терминах описывает синкретический опыт традиционного мировоззрения [17, с. 99].

друг друга маршруты, тематизированные уникальными смыслами и содержаниями, вплетающиеся в средовую ткань города. Кажется, ни архитектура, ни урбанизм пока не научились работать с такими глубинами.

«Пространство», так и не став в архитектуре ни понятием, ни категорией (в отличие от все тех же геометрии и физики), долго служит «белым пятном» архитектурной оптики и дискурса, замещающая собою феномены и живые события. Им и до сих пор (стоит это признать) не нашлось имени, но они питали и питают архитектурское воображение, а равно и перцептивность, взращиваемую архитектурой, как в отношении памятников прошлого, так и в пользу самоновейших экзерсисов. Термином «пространство» (как и некоторыми другими, к их числу относятся «будущее» и пресловутая «выразительность») до сих пор покрывается у нас многое – слишком многое, чтобы быть чем-то реальным. Скорее, его используют уже для связки слов. Всеядность (если не сказать неразборчивость) архитектурского дискурса удивительна и, видимо, непреодолима. Но, разумеется, дело совсем не в том, использовать или не использовать те или иные слова (хотя опыт произнесения или написания пары десятков предложений без привлечения слова «пространство» был бы архитекторам полезен). За термином стоит определенный способ представления и объяснения самому себе тех или иных явлений, феноменов, действий, в том числе собственных действий, их оправдание и осмысление. А это уже путь формирования личной теории и личной практики – путь к новым конфигурациям мышления и деятельности. Не хотелось бы, чтобы по нему профессия шла с шорами привычек на глазах и под выцветшими флагами несостоявшихся концепций.

Литература

- Капустин, П. В. Апология периферии // Проект Байкал. – 2023. – № 2 (76). – С. 30–38. – DOI: <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/76.2142>
- Башляр, Г. Избранное : Поэтика пространства. / Пер.: Н. В. Кислова и др. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 373 с. – (Книга света).
- Капустин, П. В. Формы мыслимости города XX века: пространство, субстанция или среда? // Проект Байкал. – 2021. – № 3 (69). – С. 54–57. – DOI: <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.69.1847>
- Фуко, М. Другие пространства. Гетеротопии // Проект International. – 2008. – № 19. – С. 171–179.
- Кринский, В. Ф., Ламцов, И. В., Туркус, М. А. Элементы архитектурно-пространственной композиции : Учеб. пособие для студентов специальности «Архитектура вузов». – Москва : Стройиздат, 1968. – 168 с.
- Ладовский, Н. А. Основы построения теории архитектуры (под знаком рационалистической эстетики) // Мастера советской архитектуры об архитектуре : Избранные отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов / Под общ. ред. М. Г. Бархина [и др.]. – Т. 1. – Москва : Искусство, 1975. – С. 347–352.
- Капустин, П. В. Проектное мышление и архитектурное сознание. Критическое введение в онтологию и феноменологию архитектурного проектирования (монография). – Saarbrücken, Germany: Lambert Academic Publishing, 2012. – 252 с.
- Саваренская, Т.Ф. Западноевропейское градостроительство XVII–XIX веков : эстет. и теорет. предпосылки. – Москва : Стройиздат, 1987. – 188 с. : ил.
- Копылов, Г. Г. Хроника загубленного мира // Кентавр. – 1997. – № 17. – С. 10–19. – URL: https://www.kentavr.mathedu.ru/text/kentavr_1997_17/p11/ (дата обращения: 15.09.2024).
- Капустин, П. В. Нелинейность развития и ее линейные проекции // Проект Байкал. – 2022. – № 2 (72). – С. 36–45. – DOI: <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.72.1976>
- Дзевы, Б. Изображение пространства // Мастера архитектуры об архитектуре : Зарубеж. архитектура. Конец XIX–XX в. : Избр. отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов / Под общ. ред. А. В. Иконникова [и др.]. – Москва : Искусство, 1972. – С. 474–487.
- Беркли, Д. Сочинения. Сост., общ. ред. и вступит. статья И. С. Нарского. – Москва : Мысль, 1978. – 556 с. – (Философское наследие).
- Понти, Дж. Фантазия точности // Мастера архитектуры об архитектуре : Зарубеж. архитектура. Конец XIX–XX в. : Избр. отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов / Под общ. ред. А. В. Иконникова [и др.]. – Москва : Искусство, 1972. – С. 436–437.
- Кант, И. Критика чистого разума; Критика практического разума; Критика способности суждения. – Санкт-Петербург : Азбука, 2023. – 1056 с.
- Лефевр, А. Производство пространства. [пер. с фр. Ирина Стаф]. – Москва : Strelka press, 2015. – 405 с.
- Капустин, П. В. Недвижимость и движение в архитектуре // Проект Байкал. – 2022. – № 1 (71). – С. 32–39. – DOI: <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.71.1939>
- Маклюэн, М. Галактика Гутенберга : становление человека печатающего / пер. И. О. Тюриной. – Москва : Акад. Проект ; Фонд «Мир», 2005. – 495 с. – (Концепции).

References

- Bachelard, G. (2004). *Izbrannoe: Poetika prostranstva [Selected: Poetics of Space]* (N. V. Kislova et al., Trans.). Moscow: ROSSPAN.
- Berkeley, G. (1978). *Sochineniya [Works]* (I.S. Narsky, Ed.). Moscow: Mysl.
- Foucault, M. (2008). Of other spaces. *Heterotopias. Project International*, 19, 171-179.
- Kant, I. (2023). *The Critique of Pure Reason; the Critique of Practical Reason; the Critique of Judgement*. St. Petersburg: Azbuka.
- Kapustin, P. V. (2012). *Proektnoe myshlenie i arkhitekturnoe soznanie. Kritischeskoe vvedenie v ontologiyu i fenomenologiyu arkhitekturnogo proektirovaniya (monografiya) [Design thinking and architectural consciousness. Critical Introduction to Ontology and Phenomenology of Architectural Design (monograph)]*. Saarbrücken, Germany: Lambert Academic Publishing.
- Kapustin, P. V. (2021). Forms of conceiving the city of the XX century: space, substance or environment? *Project Baikal*, 18(69), 54-57. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.69.1847>
- Kapustin, P. (2022a). Immobility and mobility in architecture. *Project Baikal*, 19(71), 32-39. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.71.1939>
- Kapustin, P. (2022b). The nonlinearity of development and its linear projections. *Project Baikal*, 19(72), 36-45. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.72.1976>
- Kapustin, P. V. (2023). The apology of the periphery. *Project Baikal*, 20(76), 30-38. <https://doi.org/10.51461/issn.2309-3072/76.2142>
- Kopylov, G. G. (1997). *Khronika zagublennogo mira [Chronicle of the ruined world]*. *Centaur*, 17, 10-19. Retrieved September 15, 2024, from https://www.kentavr.mathedu.ru/text/kentavr_1997_17/p11/
- Krinsky, V. F., Lamtsov, I. V., & Turkus, M. A. (1968). *Elementy arkhitekturno-prostranstvennoi kompozitsii: Uchebnoe posobie dlya studentov spetsialnosti "Arkhitektura vuzov" [Elements of architectural and spatial composition: Textbook for students of the speciality "Architecture of universities"]*. Moscow: Stroyizdat.
- Ladovsky, N. A. (1975). *Osnovy postroeniya teorii arkhitektury (pod znakov ratsionalisticheskoi estetiki) [Fundamentals of building the theory of architecture (under the sign of rationalist aesthetics)]*. In M. G. Barkhin et al. (Eds.), *Masters of Soviet architecture about architecture: Selected extracts from letters, articles, speeches and treatises* (Vol. 1, pp. 347-352). Moscow: Art.
- Lefebvre, H. (2015). *The Production of Space*. (I. Staf, Trans.). Moscow: Strelka press.
- McLuhan, M. (2005). *The Gutenberg Galaxy: The making of typographic man* (I. O. Tyurina, Trans.). Moscow: Akad. Proekt; Fond "Mir".
- Ponti, G. (1972). *Fantaziya tochnosti [Fantasy of Accuracy]*. In A. V. Ikonnikov et al. (Eds.), *Masters of architecture about architecture: Foreign architecture. End of XIX-XX centuries: Selected extracts from letters, articles, speeches and treatises* (pp. 436-437). Moscow: Art.
- Savarenskaya, T. F. (1987). *Zapadnoevropeiskoe gradostroitelstvo XVII-XIX vekov: estet. i teoret. Predposylki [West-European town-planning of XVII-XIX centuries: Aesthetical and theoretical prerequisites]*. Moscow: Stroyizdat.
- Zevi, B. (1972). *Izobrazhenie prostranstva [Image of space]*. In A. V. Ikonnikov et al. (Eds.), *Masters of architecture about architecture: Foreign architecture. End of XIX-XX centuries: Selected extracts from letters, articles, speeches and treatises* (pp. 474-487). Moscow: Art.